

Платонов А

24/10 88

27 АПРЕЛЯ 1988 г. №

# «Я ЖЕ РАБОТАЛ СОВСЕМ С ДРУГИМИ ЧУВСТВАМИ...»

ДО СИХ ПОР не проходит чувство невероятности факта: потаенная платоновская проза, еще сравнительно недавно в архиве не выдававшаяся даже специалистам, прямо и свободно пришла к советскому читателю!

Возвращение ее в последние годы шло как бы в обратной последовательности. В 1986 году появилось «Ювенильное море», написанное в 1934-м, в 1987 году — «Котлован» (1930) и вот сейчас — роман «Чевенгур», еще летом 1929 года отклоненный издательством «Федерация». В чем же причина, что только теперь роман нашел дорогу к читателю?

Ответ на этот вопрос можно найти в письме А. Платонова к М. Горькому 1929 года, когда, огорченный отказом издательства, автор обратился к нему с просьбой прочесть рукопись: «Ее не печатают... говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут даже как контрреволюционное. Я же работал совсем с другими чувствами...».

Роман так и не напечатали, в почти шестидесять лет не печатали, видя в нем не революционное, а контрреволюционное содержание.

Была в этом печальная закономерность нашего исторического развития, из-за которой мы лишь во второй половине восьмидесятых получили такую свободу публичных размышлений о прошлом и настоящем, какой никогда еще не имели.

И вот здесь-то платоновский «Чевенгур» пришелся, как никогда, кстати.

Революционность и современность этого романа заключаются в том, что Платонов подвергает в нем художественной ревизии не саму идею социализма как единственно справедливого и гуманного общественного строя, а методы претворения этой идеи в жизнь, те политические формы и способы управления народом, которые, по существу, противостоят социалистическому идеалу.

«Чевенгур» создавался в 1928—1929 годах. Во второй половине двадцатых Платонов все глубже осознает две подстерегающие революцию социальные опасности: это, во-первых, «детская болезнь левизны», принимающая все более затяжные и угрожающие формы, и, во-вторых, бюрократизация государственного аппарата,

способная извратить и умертвить любое живое дело. И писатель в крайней, почти сротесковой форме изобразил в романе развитие именно этих тенденций.

Но «Чевенгур» не являлся бы такого значения, если бы Платонов ограничился лишь диагнозом болезни. Ему необходимо было художественно исследовать ее причины. Поэтому и обращается он к концу первого революционного пятилетия к сложнейшему моменту перехода от военного коммунизма к нэпу, когда, по роману, многие бывшие «командиры... служили по собесам, профсоюзам, страхкассам и прочим учреждениям, не имевшим тяжелого веса в судьбе революции», крестьяне еще очень робко везли хлеб в города, опасаясь заградительных отрядов, а некоторые вчерашние революционные бойцы стремились из военного коммунизма шагнуть в коммунизм учрежденный и вечный.

Для создания широкой панорамы действительности Платонов избирает традиционный для русской и мировой литературы сюжет-путешествие, дающий возможность провести героев через большое пространство и столкнуть их с множеством людей. Два «полевых большевика» — Александр Дзано и Степан Копенкин — путешествуют по центрально-черноземной России и наводят в селах такой революционный порядок, какой диктуют им классовое чутье и арифметический рассудок. Они одобрили существование коммуны «Дружба бедняков», в которой должностей было больше, чем коммунаров, и сами же сформулировали главный смысл такой организации: «усложнение жизни в целях создания запутанности дел и отпора всею сложностью притаившегося кулака». Они отдают приказ «срочно вырубить лес Биттермановского лесничества», ибо «этим... сразу проложатся два пути в социализм. С одной стороны, бедняки получат лес — для постройки новых советских городов на высокой степи, а с другой — освободится земля для посевов ржи и прочих культур, более выгодных, чем долгораствующее дерево».

Цель бродящих по степи «рыцарей революции» — сделать все, «чтоб к лету социализм из травы виднелся».

Но их значительно опередили одиночка

редивших коммунизм в своем небольшом городке. Они действовали по очень простой логике: коммунизм наступит тогда, когда не будет буржуев. Что может быть проще, если в твоих руках власть и оружие? Расстрелять буржуев, выселить из города полубуржуев, а если далеко не уйдут — уничтожить, собственность отменить, труд как форму угнетения народа упразднить, ибо солнце само выгонит из земли питательные злаки, и коммунизм наступит сам собой для одиннадцати чевенгурцев и многих «прочих людей», еще более обездоленных и немощных.

Самые трагические сцены романа — это расстрелы домовладельцев и «полубуржуев». Ужасает не только беспощадный реализм описания («Из головы буржуа вышел тихий пар, а затем проступило наружу волос материнское сырое вещество, похожее на свечной воск...»). Потрясает обыденность, будничность происходящего как необходимой, хотя и трудоемкой работы, закончив которую, чевенгурцы решили «помыть полы в домах для приближающегося пролетариата, чтоб было прилично». Но ведь и в этой будничности трагедии был знак времени, проявившийся, скажем, в «простенькой» фразе из сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» 1938 года издания: «НКВД привел приговор в исполнение. Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам» (выделено здесь и далее мною. — В. В.).

Была в этих словах о народе своя трагическая правда. Ведь в известном смысле он действительно и «одобрил», и «перешел».

И ВОТ ЗДЕСЬ-ТО возникает вопрос: а как относиться к этим деятельным и активным героям романа? Что, перед нами — негодяи, преступники, враги, которых нужно уничтожать без пощады и сожаления? Вопрос крайне принципиальный и важный.

Дело в том, что нет или почти нет в «Чевенгуре» врагов, а есть жертвы истории, результат потомственной неграмотности и векового угнетения народа, который одновременно учился и абстрактно мыслить, и конкретно управлять страной.

Литература и искусство 20—30-х годов отражали и оценивали это явление.

Андрей Платонов. «Чевенгур». Роман. Журнал «Дружба народов», №№ 3—4. 1988

ние. Скажем, Чапаеву в одноименном фильме еще повезло, что Фурманов мог объяснить ему разницу между Вторым и Третьим Интер-националом. Повезло и герою Маяковского, рабочему, который «был безграмотный. Не разжевал даже азбуки соль. Но он слышал, как говорил Ленин, и он знал — всё». Чевенгурцы же имеют самое приблизительное, исковерканное и перевернутое представление о социализме, Марксе и Ленине. Вот, например, о чем думает главный учредитель чевенгурского коммунизма: «Одно успокаивало и возбуждало Чепурного, есть далекое тайное место, где-то близ Москвы или на Валдайских горах, как определил по карте Прокофий, называемое Кремлем, там сидит Ленин при лампе, думает, не спит и пишет. Чего он сейчас там пишет? Ведь уже есть Чевенгур и Ленину пора не писать, а влиться обратно в пролетариат и жить». Творя именем Маркса дела свои, он имеет о нем самое приблизительное представление. «Я... его сроду не читал. Так, слышал кое-что на митингах — вот и агитирую. Да и не нужно читать...» — говорит он смущенному «образованностью» Чепурного Копенкину. Конечно же, такие слова, подкрепленные в бытовом сознании гордым принципом «мы академики не кончали», и особенно реальные, воплощенные в романе результаты политического строительства в Чевенгуре не могли не быть контрреволюционными.

Платонов предупреждал о последствиях страшной опасности — извращения марксизма примитивным сознанием, о том, что наивная и прямолинейная популяризация ленинских идей приводит к зазорному социализму, дисциплине «общего котла», к тому, что позднее осуществилось в культе личности как сталинского, так и китайско-кампучийского вариантов. Он показал нам, какой сокрушительной и антигуманной силой может стать социальная безграмотность находящаяся у власти людей, если их почти детской доверчивостью пользуются политические проходимцы и начетники типа Прокофия Дзано. Ведь жизненные интересы Прокофия еще дальше от идеалов социализма, чем самая абсурдная формулировка чевенгурцев. Он не забудет сделать опись имущества расстрелянных и присвоить самое ценное, он не упустит возможности переслать дорогие вещицы подальше от Чевенгура, к тетке своей возлюбленной Клавдии Клобд. Прокофий — вот, вероятно, единственный враг в романе.

Пожалуй, наиболее близок Платонову в осознании опасности примитивной популяризации социальных учений был Булгаков. На другом материале, с абсолютно другими героями он написал сцену, пронизанную схожей с платоновской болью, — сцену допроса Иешуа Га-Ноцри:

«— Так ты собирался разрушить здание храма и призывать к этому народ?.. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди.

— Эти добрые люди, — заговорил арестант... — ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время».

Сопоставление этой сцены с платоновским романом мне кажется важным еще и потому, что в обоих случаях показаны первый этап в причины перехода социальных теорий в форму, так сказать, религиозных движений. Ведь чевенгурцами руководит не знание и размышление, а вера в предельно упрощенную идею. Как когда-то крестоносцы — огнем и мечом, — утверждают они свой порядок вещей и свои принципы, деля всех людей на верующих и неверующих в этот порядок и в эти принципы.

А что же народ в платоновском романе, почему он либо безмолвствует, либо смиренно и покорно подставляет шею под наган Пиюса и его товарищей? Платонов показывает, как в Чевенгуре и его окрестностях на смену одной религии приходит другая — религия извращенного марксизма. И поэтому мифологическое сознание простых людей воспринимает происходящее как божье наказание за грехи человеческие, расстрел — как автароу пришествие. В губернской городке, где ничего похожего на чевенгурские преобразования не происходит, люди принимают замену подрастертки продажного в почти библейских формулах: «Ленин взял, Ленин и дал». Смена религий отражена даже в том, что чевенгурский ревком расположился в храме, куда на коне въезжает «рыцарь революции» Копенкин.

Но ведь чевенгурские преобразователи не нахлынули на город из приспосабли, не пришли сюда из чуждых земель. И хотя носки их предводитель кличку Японец, все они — потомственные жители степной полосы России, их корни в том же народе, судьбу которого они так легко и жестоко решают. Именно в мифологичности сознания, привычке к угнетению, в отсталости и темноте кроются, по Платонову, причины и смиренной кротости «полубуржуев», и политический экстремизм их устраниителей.

НО ЕСТЬ в народном сознании сила, на которую Платонов надеялся особо. Это здравый смысл простого русского человека, не поддающегося гипнозу политической фразеологии полевых миссионеров военного коммунизма.

Например, гражданин Недоделанный, «уклоняющийся середняк без лично присвоенной фамилии», просто и отчетливо предсказывает последствия механического перераспределения скота между середняками и бедняками деревни Ханские Дворики: «По-моему, годов через пять выше куры скота ни у кого не будет. Кому ж охота маток телить для соседа? Да и нынешний-то скот, не доживя веку, подохнет. У того же Петьки мой рысак первым ляжет — человек сроду лошадей не видал, а кроме кольев, у него кормов нету!» — за что и получает от Копенкина определение — «недоделанный кулак». Именно в опоре на таких здравомыслящих и, в общем-то, бестрашных крестьян, а также на кооператоров типа Алексея Алексеевича Полубезьева, который, «изучив статью о кооперации... прижался душой к Советской власти и принял ее теплое народное добро», видел Платонов реальный путь противостояния левяцкому экстремизму чевенгурцев.

И вот здесь настало время разобраться в загадке форсированного финала романа.

В момент полной победы чевенгурского коммунизма появляется регулярная,

хорошо обученная и вооруженная конница кадетов, как их определил Чепурный, и в схватке с нею гибнет почти все население «революционного» города. Но откуда на пятом году Советской власти может взяться в центре России воинское подразделение кадетов? Очень уж сомнительно. Скорее всего, это регулярная часть Красной Армии, посланная из губернии для наведения порядка в Чевенгуре.

В пользу этого предположения говорит и такой факт: за несколько дней до разгрома чевенгурцев командированный сюда из Москвы Симон Сербинов послал «умно, двусмысленно, враждебно и насмешливо» написанное письмо в губернию, где сообщал, «что Чевенгур, вероятно, захвачен неизвестной малой народностью или прохожими бродягами», и предлагал «практическое заключение... сделать самому губернскому центру». Посылком воинской части центр, вероятно, и сделал свое «заключение».

Такой финал лишь подтверждает платоновскую социально-историческую концепцию: чевенгурский коммунизм есть изначально антисоциалистическое и антинародное образование

ИССЛЕДОВАТЕЛИ еще разберутся в тайнах новаторской поэтики романа, точно определят его жанр. (Кстати, уже сейчас довольно часто предлагается такое определение, как антиутопия. Что ж, может быть, если утопией считать иные конъюнктурные эпопеи о коллективизации.) Много прекрасной работы даст этот роман литературоведам, на многих заставит посмотреть другими глазами.

Возможности газетного отклика ограничены. Но вот о чем нельзя не сказать, хотя бы и кратко, так это о феномене платоновского слова.

Неправильность, шероховатость речи автора и героев платоновской прозы поражают. Казалось бы, нормальные люди так не говорят и говорить не могут. Ну кто еще может так сказать о своих героях: «...они снова начали трудиться над идеями для тех товарищей, которых они чувствовали своей идеей»? Дало в том, что Платонов говорит языком народа, который начал впервые «чувствовать идею» и политизировать чувство. Еще вчера недоступные, непонятные и чужие слова вторглись в его лексикон, и освоить их было очень и очень непросто. Социализм, коммунизм, пролетариат — эти абстрактные понятия мучительно и трудно адаптировались в народном сознании и языке людей, привыкших мыслить предельно конкретно. Отсюда и социализм, растущий из травы, и «корм коммунизму», и многие другие словесные неожиданности, конкретизирующие абстрактность в речи платоновских героев.

Но в ней зафиксирован не только мучительнейший процесс рождения нового мировосприятия и мироощущения простых людей. В невероятных словосочетаниях отражаются их прошлое, их трудовая биография. Вот, например, Чепурный объявляет благодарность пришедшим в Чевенгур женщинам «как товарищам специального устройства», и в этом «специальном устройстве» мы слышим ход мысли бывшего мастерового человека.

ВАЖНЕЙШЕЕ дело совершил журнал «Дружба народов», вернул читателю платоновский роман. И значительная публикация была бы безупречным, если бы в историко-литературном послесловии нашлось место и для текстологии. Как было бы хорошо, если бы в комментариях опубликовали хранящиеся в ЦГАЛИ материалы, в которых отражена уникальная история первой «непубликации» романа. Вообще, мне кажется, экономить на комментариях при издании таких произведений неразумно.

А может быть, эти претензии лишь от читательской жадности и нетерпения узнать больше и глубже осознать тот невероятный факт, что на твоей журнальной полке стоит роман Андрея Платонова «Чевенгур».

Владимир ВЕРИН